

К РЕАЛИЗАЦИИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ»

Гуманитарии, обществоведы и все, кто занимается изучением прошлого и настоящего Дальнего Востока России, восприняли выход из печати очередной книги «История Дальнего Востока» как значительное событие в учёном мире региона. Коллективная монография «Мир после войны: дальневосточное общество в 1945—1950-е гг.» / под общей ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. Владивосток: Дальнаука, 2009. 696 с. (История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 4) — продолжение реализации фундаментального проекта по истории Дальнего Востока России, осуществляемого Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН с середины 1970-х гг.*

Структурно рецензируемая работа состоит из краткого Предисловия, вводного раздела «Историография и методология исследования», семи глав и заключения. Кроме того, имеются приложения — «Справка об административно-территориальном делении Дальнего Востока СССР в середине 1940-х — 1950-х гг.», именной и географический указатели, позволяющие быстро ориентироваться в огромном объёме ценного материала.

Раздел «Историография и методология исследования», подготовленный д-ром. ист. наук А.С. Ващук и канд. ист. наук Н.П. Рябченко, является своеобразным «ключом» к пониманию цели и задач, стоявших перед коллективом дальневосточных историков.

Взяв за основу принципы исследования региональной истории, изложенные ещё в 1956 г. организатором исторической науки на Дальнем Востоке А.И. Крушановым, авторы сосредоточивают внимание на двух направлениях: социально-экономическом и историко-демографическом. Раздел «Историография и методология исследования» позволяет увидеть высокий научный уровень дальневосточной исторической науки и её вклад в изучение роли и значимости самой дальней окраины страны в цивилизационном развитии России.

Историографический обзор авторы данного раздела начинают с анализа работ, содержащих систематизацию источников (в том числе архивных) по проблемам хозяйственного освоения Дальнего Востока, его демографии и социально-бытовой инфраструктуры (А.П. Деревянко, Л.М. Медведева, А.Л. Лаврентьев, А.Т. Мандрик, С.А. Власов и др.), подчеркнув особую значимость исследований в области историографии и методологии (Э.В. Ермакова, В.Е. Борчанинова, А.С. Ващук). Надёжной опорой

* Первый и второй тома «Истории Дальнего Востока России» опубликованы в конце 80-х гг. и стали самым полным на тот период изложением истории региона вплоть до 1917 г.

историков стали труды дальневосточных экономистов: А. Н. Гладышева, А. В. Куликова, Б. Ф. Шапалина, П. А. Минакира, О. М. Рензина и др. Авторы раздела справедливо отмечают, что новые методологические возможности позволили разработать иной подход к оценке разных сторон жизни советского государства: политических репрессий, исправительно-трудовых лагерей, принудительных переселений.

В качестве одного из наиболее значимых направлений исторических исследований было выделено изучение демографических процессов в регионе. Ранее к этой проблеме обращались О. П. Еланцева, Г. А. Ткачёва, С. А. Головин, А. И. Широков, А. Г. Козлов, П. Д. Бацаев, В. Г. Зеляк, В. Л. Подпечников, А. М. Пашков, В. В. Щеглов и др. Обобщающие характеристики формирования населения Дальнего Востока на разных исторических этапах содержат труды историков В. Е. Борчаниновой, Е. Н. Чернолуцкой, Л. А. Крушановой, экономистов Л. Л. Рыбаковского, Е. Л. Мотрич и др. Дальневосточным учёным удалось выявить уникальные исторические источники, которые позволили внести уточнения и коррективы в характеристики демографического процесса и определить влияние политического режима на региональную миграцию, а также влияние миграции на отдельные стороны жизнедеятельности дальневосточного общества (с. 12).

Обстоятельному исследованию Дальнего Востока России в 1945—1950-е гг. способствовали публикации западноевропейских учёных, в их числе Э. Тиль, Харисон Солебери, Х. Тапёр, Т. Шабад, Л. Динес, Р. Кэмпбелл, Л. Уайтинг и др.

Авторы рецензируемой монографии подчёркивают, что в основу методологии нового проекта была положена концепция «социальной многослойности» в рамках «новой социальной истории», зародившейся во второй половине XX в., что помогло раскрыть проблемы социального взаимодействия с разных научных горизонтов через:

- выявление итогов и последствий войны для партийного государства, для общества и отдельно для человека;
- анализ влияния демобилизованных, репатриированных, послевоенных мигрантов, изменивших социальный статус человека;
- рассмотрение криминальной и религиозной ситуации, миграционной политики, позволивших выявить особенности взаимосвязи общества и власти.

Новые методологические ориентиры потребовали введения в понятийный аппарат новых категорий, облегчивших конкретизацию особенностей отношения общества к различным событиям послевоенного времени, прежде всего к внутренней политике. Таковыми стали понятия: «конформизм молодёжи», «общественные настроения», «протестные настроения», «исторический ландшафт», «уровень и образ жизни», «микроистория», «региональная политика», «жизненная стратегия», «социальный процесс», «центр-периферия» и др.

Наряду с классическими (историческим, функционально-системным, цивилизационным и др.) научными методами были использованы элемен-

ты антропологического подхода, предпринята попытка преодолеть линейный казуальный подход и выйти на уровень нелинейного понимания развития истории.

Принятые методологические ориентиры и новые концептуальные подходы дали возможность показать расстановку сил в межгосударственных отношениях, выделив аспект экономического сотрудничества Дальнего Востока России со странами Восточной Азии. Это направление ранее получило отражение в трудах А.Д. Богатурова, Г.П. Белоглазова, Г.Н. Романовой, Н.П. Рябченко и др. Таким образом, раздел «Историография и методология исследования» задаёт общую тональность большому коллективному исследованию.

Трудно дать развёрнутую рецензию всем разделам книги, поэтому позволим себе более подробно остановиться лишь на некоторых из них. В первой главе «Политические факторы изменения регионального социального пространства», авторами которой являются д-р. ист. наук А.С. Ващук и кандидаты ист. наук Г.П. Белоглазов, Г.Н. Романова, А. Фролов, Б.М. Афонин, Л.А. Крушанова, период 1945—1950 гг. рассматривается в связи с процессом многопланового влияния Второй мировой войны на состояние общества и его вхождение в послевоенную действительность, что стало лейтмотивом всей книги.

На богатой источниковой базе, в большинстве своём впервые вводимой в научный оборот, показана специфика общественно-политической обстановки на Северо-Востоке, складывавшейся под безраздельным господством суперорганизации Дальстроя, идеального воплощения сталинской административно-командной системы управления территорией, имевшей в своём распоряжении богатейшие природные ресурсы.

В данной главе обстоятельно описан процесс административно-территориального формирования областей и краёв Дальнего Востока, начало разрушения системы ГУЛАГа со смертью И.В. Сталина и реформ карательных-репрессивных органов. Приведены ценные документы, впервые выявленные авторами, о политической акции по реабилитации многих тысяч невиновных заключённых на Дальнем Востоке. Раскрыты глубинные причины противостояния руководителей областей и краёв в борьбе за власть, дан анализ личностных качеств партийных и хозяйственных руководителей, умевших отстаивать в Центре интересы Дальнего Востока в условиях изменившихся внешнеполитических факторов (с. 60—73).

В книге убедительно показано, что советско-американское соперничество за влияние на Китай в послевоенный период стало важным фактором, разделившим мир на два противоположных лагеря, — международные, локальные и внутренние конфликты слились в один сложный процесс межгосударственных отношений США и СССР, экстраполировавшихся на территорию Маньчжурии (с. 75—80). Однако обе страны сдерживали фактор опасности возникновения серьёзного конфликта, и это корректировало их конкретные действия на территории Китая.

Авторами показан существенный вклад Советского Союза в победу КПК, обычно замалчиваемый историками Китая и неоднозначно

интерпретируемый западными учёными. Видна роль советских инженерно-технических кадров в становлении предприятий Чаньчуня, Шэньяна, Харбина и других городов, создание совместных советско-китайских акционерных компаний (Дальэнерго, Ляодунрыба, Совкит-судоострой и др.), предоставление СССР огромных кредитов Китаю на исключительно льготных условиях, не имевших аналогов в банковской практике (всего 1%), с погашением долями в течение 10 лет; помощь в перестройке и сооружении более чем 50 крупных промышленных предприятий. Вместе с тем авторы считают целесообразным говорить не об односторонней экономической помощи СССР Китаю, а взаимовыгодном сотрудничестве.

Анализируя политические факторы изменения регионального социального пространства, авторы монографии дают оценку отношений СССР с США, Японией, КНДР, Республикой Корея и Вьетнамом, определивших значимость Дальнего Востока в решении современных стратегических задач Российской Федерации по кооперации её в геополитическое, социально-экономическое и культурное пространство Азиатско-Тихоокеанского региона.

Глубокий анализ роли СССР в политических преобразованиях, имевших место в Японии, Китае, Корее и Вьетнаме в условиях, когда интересы СССР и США в регионе оставались полярными, проведён на основе богатой источниковой базы: документов и материалов многих фондов ГАХК, ГАПК, РГАЭ, ГАРФ, исследований китайских, японских, корейских и отечественных учёных. Нет возражений против основного вывода о том, что международные отношения СССР со странами Восточной Азии имели свою логику развития: они складывались под влиянием расширения сферы влияния не только СССР, но и США. При этом отмечено, что в первые послевоенные годы руководители СССР и США нередко имели общие взгляды (с. 80—122) в отношении дальневосточных государств.

Вторая глава «Особенности демографического развития Дальнего Востока во второй половине 1940—1950-х гг.» даёт возможность понять демографические проблемы современности (с. 123—198). Автор главы канд. ист. наук Е. Н. Чернолуцкая показывает специфические черты демографического развития Дальнего Востока исследуемого периода, сохранившие тенденции устойчивости:

- более высокий, чем в целом по стране, уровень урбанизации;
- высокую концентрацию военнослужащих — 1/4 населения;
- высокий удельный вес пенитенциарного населения;
- высокий уровень подвижности населения (здесь сложилась психология «временщика» и т.н. «отложенной жизни», когда «основная жизнь» как бы переносилась на «потом» — после отъезда с Дальнего Востока).

На основе богатейшей источниковой базы убедительно и доказательно раскрыты особенности формирования населения Сахалинской области после присоединения Южного Сахалина и Курильских островов и показан трудный путь мигрантов — добровольных переселенцев на Дальний Восток. Научная ценность материалов этой главы — в информативно-пра-

вовой обеспеченности и динамической основательности. Таблицы и расчёты Е.Н. Чернолуцкой выполнены безупречно, соответственно требованиям высокого квалификационного уровня учёного.

Сильной стороной данной главы является показ принудительных миграций в политике государства, решавшего в исследуемый период основные задачи. 1. Скорейшее заселение и экономическое освоение южной части Сахалина и Курильских островов, отошедших СССР в результате победы над Японией. 2. Продолжение интенсивного освоения дальневосточных природных ресурсов, требовавшее притока рабочей силы. 3. Развитие сельского хозяйства для обеспечения продовольственного снабжения региона за счёт местных источников, особенно в районах промышленных новостроек.

Значительное внимание уделено особенностям демографической ситуации на Северо-Востоке (Дальстрой / Магаданская область). Принудительность формирования трудовых ресурсов Северо-Востока была изначально заложена в организационных основах треста «Дальстрой», существовавшего на базе использования заключённых Севвостлага как основной рабочей силы.

Безусловно, важной является глава 3 монографии, раскрывающая экономические условия дальневосточного общества в связи с переходом к послевоенному хозяйствованию и развитию промышленности, транспорта, строительной отрасли и связи. Значительное внимание уделено аграрной сфере и проблемам обеспечения населения продовольствием в условиях диспропорций, дефицита и противоречий того времени — трудовой активности и проблем дисциплины на производстве (автор гл. 3 — канд. ист. наук С.Г. Коваленко) (с. 123—183).

Главы 4 и 5 (авторы — д-р. ист. наук А.С. Вашук, канд. ист. наук С.А. Власов, канд. ист. наук Л.А. Крушанова, Ю.Н. Селезнёва) посвящены анализу положения населения, послевоенному образу жизни и проблемам здоровья дальневосточников. Прослеживается политика властных структур в области заработной платы и цен в ситуации дефицита снабжения на местах, использования займов и налогов как инструмента распределительно-нормированных отношений в социальной среде (сельского населения, вольнонаёмных Дальстроя, мигрантов, военнослужащих, демобилизованных и др.). Авторами исследован процесс либерализации социальной политики и её последствия для населения во второй половине 50-х гг. В главе 5 поднимается малоизученная проблема взаимоотношений общества и власти с учётом социально-политических настроений населения, криминальной ситуации (с. 402—440).

Эти направления исследований в закрытом советском обществе не могли попасть в исследовательское поле историков долгие десятилетия XX в., хотя и являлись ключевыми для понимания системы отношений между народом и властью. На огромном эмпирическом материале в данной главе передаётся атмосфера созревания внутреннего протеста в условиях послевоенной нищеты и голода, показан механизм «переключения» недовольства на «плохую работу местных властей». Слишком велика была мощь партийного и репрессивного аппарата, идеологического и административного

контроля, поэтому крамольные высказывания сдерживались из-за страха попасть под надзор органов безопасности (за антисоветскую пропаганду по статье 58¹⁰ в 1953—1960 гг. было осуждено 145 граждан, проживавших на Дальнем Востоке) [с. 417]. На «суды чести», «дело врачей-евреев», бытовой антисемитизм, «народный сталинизм» и др. общество вырабатывало формы «выхода» своих эмоций, оценочных суждений, способов защиты личного интереса. Авторы убедительно раскрывают целый слой социальных настроений, которые были следствием конкретных событий или случаев. Эклектизм взглядов оставался отличительной особенностью большинства оппозиционных высказываний. Вместе с тем протестные настроения на Дальнем Востоке имели, по мнению авторов, точечный характер.

С этим можно согласиться, поскольку запас прочности системы всё ещё оставался высоким — контроль партии над информацией был способен сохранить идеологическую и культурную базу власти. Начавшаяся сверху десакрализация личности Сталина, сведение политических репрессий послесталинским руководством к главной причине — врагу народа Берии и к образованию «антипартийной группы» Молотова, Кагановича, Маленкова и примкнувшего к ним Шепилова являлось прямым продолжением политических порядков, заведённых при Сталине. Однако уже был ликвидирован риск уголовного преследования за критические высказывания, если их содержание сопровождалось утверждениями верности социализму.

Таким образом, допустимый порог критики стал первым шагом в появлении оценок властных отношений. Согласно выводам авторов общество приблизилось к этапу формирования общественного мнения.

В 1945—1950-х гг. в СССР шёл процесс формирования «теневой экономики», существовавшей за счёт несовершенства планирования. В дальневосточном регионе с высокой концентрацией учреждений пенитенциарной системы и соответствующего контингента населения маргинальный состав мигрантов, отсутствие учреждений досуга, житейские проблемы — способствовали росту криминогенности. Криминальная ситуация была одним из показателей отношений власти и общества.

Работа над главой 6 «Духовно-культурная среда и состояние общества на Дальнем Востоке» (авторы — канд. ист. наук Ю.Н. Поповичева, канд. ист. наук В.Г. Макаренко, канд. ист. наук Е.В. Васильева, д-р ист. наук С.М. Дударёнок, канд. ист. наук М.Б. Сердюк, Э.В. Осипова, д-р ист. наук Е.А. Поправко) проведена, как и в целом по монографии, в парадигме «новой социальной истории», ориентированной на человека. Авторский коллектив успешно решил поставленную задачу — через духовно-культурное развитие общества воссоздать картину социальных процессов и ответить на фундаментальный вопрос отечественной истории о значимости Дальнего Востока для России. Данная глава в полной мере соответствует концепции «социальной многослойности», составившей основу всего проекта.

Авторы исходят из того, что уже в довоенный период в СССР сформировалась модель репрезентативной культуры. Концепция репрезентативной культуры даёт возможность рассматривать во взаимодействии власть

(идеи, ценности и смысл) и общество (политическое устройство, социальная структура, производство и т.п.) (с. 468—591). Советская модель культуры формировалась на основе принципов: иерархия целостности, тотальности, целенаправленности, исключения (запреты на некоторые темы, сюжеты, стилевые приёмы и т.п.); утверждение официального консенсуса (единство партии и народа, верность советской власти), оптимизма и позитивности (телеология движения к идеальной цели). Интересный и важный эмпирический материал позволил в отдельных разделах данной главы на фоне общей характеристики советской модели культуры оттенить и показать специфику развития в регионе науки, высшего образования, театральной культуры и музеев.

Глубоко изучить характер и эволюцию дальневосточного общества после 1945 г. авторам помогли современные методологические возможности. Так, была использована концепция репрезентативной культуры, принадлежавшая Ф. Тенбруку, которая определяла моностилистическую модель и охватывала убеждения, оценки, картины мира, идеи и идеологии, обладавшие внутренней связностью и воздействовавшие на социальное поведение членов общества (с. 468).

Авторы убедительно показали, что политическая система оставалась единой и неизменной повсюду, вплоть до окраин страны. Она воспроизводилась даже в ситуации и обстоятельствах, которые, казалось бы, автоматически исключали саму возможность её сохранения. Так, в лагерях ГУЛАГа и «спецпоселениях», где жили репрессированные и выселенные в ходе массовых депортаций «наказанные народы» — немцы, крымские татары, прибалты, чеченцы, калмыки и др., сохранялись ударные бригады, соцсоревнование, действовали свои научные и культурные учреждения, художественная самодеятельность, спортивные команды. Задача воспитания «нового человека» считалась не менее важной, чем построение материальной базы социализма, поэтому партийные и государственные органы, руководители разных рангов присвоили себе право вмешиваться в частную жизнь всех и каждого, оправдывая нарушение прав человека интересами «мировой революции» и «построения социализма» (с. 469). Политическая система ориентировала народ на коммунизм, в котором лежало оправдание всех культурно-идеологических акций, направленных на пропаганду активной работы и жертв во имя будущего.

В главе дан подробный анализ действенности норм «социалистического реализма» тоталитарной культуры на примере произведений дальневосточных писателей, поэтов, композиторов, художников, которые должны были обязательно показывать руководящую роль партии в любых исторических процессах. Идеология государства опиралась на мощный бюрократический аппарат и отлаженные механизмы воздействия на массы. В конце 1940-х гг. вопросы литературы и искусства решались на уровне Секретаря и Оргбюро ЦК ВКП(б), часто при личном участии Сталина.

Надо отдать должное основательности и объективности авторов раздела «Советская модель культуры» главы 6 монографии, ставшего своеобразной

теоретической основой последующих разделов, поскольку именно в нем даны основные положения теории, определявшей принципы политической системы и соответственно советской модели культуры.

В разделе «Высшее и среднее специальное образование» (с. 483—502) показано, что в плане социально-экономического и культурного развития страны на 1946—1950 гг. предусматривалось расширение подготовки «...специалистов высшей и средней квалификации для топливно-энергетической и металлургической промышленности, сельского хозяйства и железнодорожного транспорта, а также учителей для начальных и средних школ», специалистов в области новой техники (с. 484). Авторы подчёркивают, что необходимость освоения и вовлечения в экономический оборот уникальных природно-сырьевых ресурсов Дальнего Востока в условиях острой нехватки специалистов заставила политическое руководство страны принять постановление об открытии в регионе ряда высших учебных заведений, в результате их численность увеличилась более чем в 2 раза. Развитие системы высшего образования на Дальнем Востоке в данный исторический период выполняло функцию трансляции советской модели культуры, имевшей характерные системные противоречия, влиявшие на процесс хозяйственного освоения региона. В результате потребности народного хозяйства в специалистах так и не были удовлетворены.

В разделе «Наука и власть» показано, что в первое послевоенное десятилетие наука уверенно становилась посредником не только между обществом и природой, но и между сферами духовной и материальной деятельности, вызвав к жизни новый аспект государственной политики — научную политику, решительно потеснив остальные сферы. Авторам удалось проследить, как довоенный метод политико-идеологического насилия из атрибута государственной политики превратился в средство регулирования властных отношений в самой научной среде, что принесло науке страшные разрушения. При этом действовал основной принцип централизации государства: сильный Центр — слабая периферия, а значит, маломощная наука. В числе наиболее слабых периферийных районов оставался Дальний Восток. И новые структуры появились здесь не в виде самостоятельных научных учреждений, а в виде филиалов или отделений всесоюзных НИИ. Специфика интересов Центра к Дальнему Востоку как сырьевому району проявилась в создании сети отраслевых научных учреждений: на Сахалине появились отделения Всесоюзного нефтяного геолого-разведочного института. Отраслевой институт (ТИНРО) объединил Амурское, Камчатское и Сахалинское отделения (с. 502—506).

Важно, на наш взгляд, вывод, согласно которому первое послевоенное десятилетие стало временем концентрации сил науки Дальнего Востока, лишённой многих преимуществ Центра. У руководства дальневосточной наукой стояли те, на чьей памяти были репрессии 30-х гг. и их волны в конце 40-х. Репрессивное сознание было присуще научной интеллигенции региона не в меньшей степени, чем всем учёным страны, и делало их законопослушными. Научная молодёжь, воспитанная в традициях тотали-

таризма и господствовавшей идеологии, активно включилась в кампанию по реализации решений августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., но дальневосточные учёные не разделялись на «гонителей» и «гонимых» и смогли самосохраниться. В разделе убедительно показаны достижения дальневосточных учёных.

Вместе с тем авторы справедливо полагают, что отдельные успешные изыскания, выполненные нередко на пределе возможностей, говорили лишь об одарённости исследователей. Необходимо подчеркнуть значимость данного раздела в исследовании истории самого отдалённого региона в послевоенное десятилетие.

Значительное место в 6-й главе уделено разделу «Религия и дальневосточное общество» (с. 517—565), в котором показаны проблемы власти, Русской православной церкви и верующих на советском Дальнем Востоке, дан научный анализ деятельности религиозных организаций и групп. Изменение государственной политики относительно религии в годы Великой Отечественной войны было продиктовано сочетанием внутренних и внешнеполитических факторов, подробно рассмотренных в разделе. Формирование нормативно-правовой базы позволило создать новые органы власти, призванные решить проблемы возрождения религиозной деятельности. Авторами исследовано восстановление храмов, создание новой самостоятельной епархии на Дальнем Востоке, возвращение церкви культового имущества и одновременно показаны сложности регистрации церковных общин.

Подробно воспроизведена картина возрождения на Дальнем Востоке Русской православной церкви. Первым был открыт храм Святого Благоверного князя Александра Невского в Хабаровске (с. 519—520). Фрагменты церковного убранства, иконы и культовое имущество, Евангелие, служебную и богословскую литературу и т.п. создаваемым церковным советам передавали краеведческие музеи.

Авторы отмечают, что длительный перерыв в религиозной жизни, уже сложившаяся привычка к тайному отправлению культа способствовали возникновению затяжных конфликтов внутри общин. 25 декабря 1945 г. постановлением Священного Синода РПЦ были созданы Хабаровская и Владивостокская епархии, под окормлением епископа Хабаровского и Владивостокского оказались приходы Якутского и Читинского викариатств Иркутской епархии. Постановлением Священного Синода Владивосток был объявлен кафедральным городом. Сказалось и то, что новая дальневосточная епархия РПЦ не имела исторической преемственности с теми церковно-административными единицами, которые существовали в регионе до революции. Кроме того, в среде местных советских и партийных работников дух неприятия религии и церкви был преобладающим. Представители власти на местах считали: «Кончится война, кончится и церковь» (с. 526). Действительно, если в 1943—1944 гг. вопрос о создании православных приходов на территории советского Дальнего Востока, как правило, решался положительно, то в 1946 г. открылась

только одна церковь в г. Ворошилове (Уссурийск). Отказы в регистрации получили многие группы верующих.

В обобщающем выводе подчёркивается, что динамика развития церквей и государственно-церковных отношений в регионе в 1940—1950 гг. соответствовала общесоюзным тенденциям. С 1943 по 1948 г. на юге Дальнего Востока открыли 11 приходов Русской православной церкви, остальным территориальным образованиям легализовать свою религиозную жизнь не удалось. Сказались высокая мобильность населения, приехавшего на Дальний Восток для воинской службы и на заработки, большое число «уголовного элемента» и малочисленность лиц пожилого возраста (с. 534—538).

В данном разделе важное место занимает высокопрофессиональный анализ деятельности религиозных организаций и групп. Авторами убедительно показана избирательная политика по отношению к верующим разных конфессий (с. 539). В 1945—1950 гг. чрезвычайно жёсткой была позиция к религиозным организациям, отнесённым к так называемым «антигосударственным, антисоветским и изуверским сектам» (адвентисты, апокалипсисы, духоборы, хлысты и др.) (с. 540).

При изучении религиозной жизни в регионе добротным подспорьем будет исследование самой большой и организованной протестантской конфессии на территории советского Дальнего Востока — евангельских христиан-баптистов (ЕХБ), а также адвентистов, пятидесятников, Свидетелей Иеговы, иудейских общин, старообрядцев, духовных христиан, католиков, мусульман (с. 542—564). Вместе с тем к данному разделу имеется ряд замечаний, связанных с нарушением «событийного ряда». Так, на с. 525 авторы сообщают, что на советском Дальнем Востоке в 1946 г. открылась только одна церковь... (далее по тексту), но в следующем абзаце авторы пишут, что если в 1943—1944 гг. вопрос о создании православных приходов на территории Дальнего Востока, как правило, решался положительно, то почти все заявления верующих, поданные в 1945 г. и позже, отклонялись. Этот стилистический приём, затрудняющий восприятие материала, повторяется. К примеру, сообщается о событиях, имевших место в 1954 г. (с. 533), но читателя возвращают к событиям 1943—1945, 1949 гг. (с. 535). На подобных логических противоречиях построен раздел «Баптисты»: читателя «перебрасывают» с событий 1957 г. (с. 543) на проблемы 1954 г., потом — 1948 г. и на события конца 1940 г. (с. 544).

Кроме того, возникает вопрос о количестве приходов Русской православной церкви, зарегистрированных на советском Дальнем Востоке в послевоенный период: 10 (с. 530) или 1 (с. 535). Несмотря на указанные замечания, раздел «Религия и дальневосточное общество» является органичным и важным в структуре 6-й главы, раскрывающей особенности духовно-культурной среды дальневосточного общества.

Не менее значимыми в данной главе необходимо назвать разделы, посвящённые театральной культуре региона (с. 565—591). Театральное искусство, представлявшее собой часть общественной жизни, являлось её специфическим отражением. При тоталитарном вмешательстве государства

в управление театральным искусством была неизбежна предопределённость в творчестве и высокая вероятность заранее заданных результатов. Становление и развитие дальневосточных театров в исследуемый период рассмотрены через отражение государственной политики в области культуры и искусства, через формирование репертуара, призванного соответствовать модели советской культуры.

Особенно ярко раскрыта специфика дальневосточной театральной жизни на примере Магаданского театра, максимально отражавшего специфику места и времени. Театр изначально существовал в системе Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей и пополнялся высококлассными специалистами, попавшими под жернова репрессий, что определило высокий профессионализм магаданской труппы. Необходимо отметить, что все главы написаны на профессиональном уровне, радуя подборкой ранее неизвестных архивных материалов и документов. Данный раздел является своеобразным украшением монографии. Подкупает прекрасный стиль Э.В. Осиповой, автора раздела, сумевшей показать величие русской художественной интеллигенции, способной в немыслимых для творчества условиях создавать прекрасное. Так, на Магаданской сцене радовали своим талантом драматическая актриса Ярославского театра им. М. Волкова В. Михенушкина, обладавшая необычайно красивым голосом, балерина Н.А. Гамильтон, ранее танцевавшая в Большом театре СССР, певцы А.В. Антонов и Н.С. Артамонов из Ленинградского академического театра оперы и балета им. С. Кирова, артистка-певица Е.Г. Венгерова, ранее выступавшая в Киевской опере, и др. В послевоенное время на сцене этого театра выступал находившийся в заключении один из самых талантливых советских певцов В. Козин (с. 572—573). Этика лагерного актёра строилась на том, чтобы помочь людям в преодолении тягот лагерного пребывания (с. 574).

Автор подчёркивает, что в послевоенные годы дальневосточные театры были пока ещё вне системы связей и контактов с коллегами по искусству из других регионов страны. Отсутствие продуманной гастрольной политики приводило к профессиональной замкнутости, отрицательно сказывавшейся на общем уровне театральной культуры, однако творческий процесс не прерывался (с. 584—591). Вместе с тем нельзя не отметить, что в целом 6-я глава воспринимается фрагментарно, вероятно, потому, что не имеет заключения, которое объединило бы все разделы.

Своеобразным финальным «аккордом» многопланового коллективного труда является глава 7 «Коренные малочисленные народы Дальнего Востока. Особенности хозяйственно-бытового уклада и культуры» (автор — канд. ист. наук В.А. Тураев). 16 коренных малочисленных народов проживали на Дальнем Востоке в предвоенное время: алеуты, коряки, нанайцы, негидальцы, ительмены, нивхи, ороки, орочи, удэгэйцы, ульчи, чукчи, эвены, эскимосы, эвенки, юкагиры. Общая их численность (по переписи 1939 г.) составляла более 50 тыс. чел. В главе показаны издержки государственной политики, ставшие причиной многих негативных явлений

в судьбе этих народов в будущем. В.А. Тураев подчёркивает, что общественно-политические процессы 30-х гг. стали началом грандиозного социального эксперимента, в основе которого лежала концепция некапиталистического развития. Для девяти народов была разработана письменность, началось обучение на родном языке, появилась национальная интеллигенция. Однако многочисленные источники, введённые автором в научный оборот, свидетельствуют об игнорировании реальных потребностей малочисленных народов Дальнего Востока. Таким образом, на обширном материале автор показал, что советская национальная политика не учитывала этнокультурных характеристик населения, его национально-специфических интересов.

Противоречивость и непоследовательность государственной политики отрицательно сказались на развитии традиционной хозяйственной деятельности: оленеводстве, охотничьем и морском зверобойном промыслах. Промысловый пресс лимитировал добычу для нужд коренного населения. Достоверный и объективный анализ бытовых условий и материального положения малочисленных народов Дальнего Востока — свидетельство трагических последствий политики борьбы с «кочевьем».

В главе объективно показан процесс развития народного образования и культуры, который рассматривался советской властью как одна из центральных задач национальной политики. Следует признать, что вскоре после окончания войны в этой сфере были достигнуты определённые успехи, однако в целом культурно-политическая отсталость коренного населения продолжала сохраняться (с. 657).

Седьмая глава логично завершает масштабный труд коллектива дальневосточных учёных, ставший самым обстоятельным и полным анализом состояния и развития социального пространства, демографических особенностей, экономических условий, духовно-культурной среды региона, в целом послевоенного образа жизни населения в условиях изменяющейся внутренней и внешней политики государства.

Изложенный в монографии материал способствует осознанию взаимосвязи политического режима и материальной, культурно-духовной среды, миграционной подвижности населения, что позволяет понять степень доверия общества власти. Тенденция к снижению доверия развивалась под влиянием новых репрессий, массовой репатриации советских граждан, роста преступности, осознания социальной несправедливости в условиях послевоенных трудностей.

Всё это и многое другое составляют выводы заключения, являющегося важным и необходимым разделом монографии, в котором в предельно сжатом виде и вместе с тем объёмно охарактеризованы новые научные наработки дальневосточных историков, без которых теперь невозможно представить историю Дальнего Востока России 1945—1950-х гг.

Л. МОИСЕВА,

доктор исторических наук, профессор